

Э.Е. Блок

ПРОГНОЗ ЗВУКОВЫХ ЗАМЕН В РЕЧИ ИНОФОНА НА ОСНОВЕ КОНТРАСТИВНОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И ЭМПИРИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ (на материале русского и немецкого языков)

В статье аргументируется возможность применения контрастивного анализа в качестве методологической основы для создания практических курсов фонетики языка L2 для носителей языка L1. Дополнив эмпирической верификацией прогноз звуковых замен в речи инофона, составленный на основе контрастивного сопоставления языков L1 и L2, можно ранжировать произносительные трудности в интерферирующей речи. Полученная в результате такого исследования шкала произносительных трудностей обеспечивает возможность разрабатывать практические пособия, рассчитанные на любую детальность курса фонетики языка L2. При этом важную роль на всех этапах исследования должны играть эмпирические данные разного характера. Автор иллюстрирует особенности предложенного метода на примере анализа класса смычных губных согласных русского и немецкого языков.

Ключевые слова: контрастивный анализ, освоение второго языка, фонетическая интерференция, интерферирующая речь.

The author argues that contrastive analysis can be used as methodological basis for creating practical handbooks of L2 phonetics for L1-speakers. Pronouncing difficulties in foreign-accented speech can be ranked by forecasting negative transfer replacements by means of contrastive analysis followed by experimental verification. The resulting scale of pronouncing difficulties enables us to create practical handbooks of phonetics aimed at phonetic courses of any duration. The author emphasizes that various empirical data should be used at every step of the research. Specific features of the proposed method are illustrated by analyzing bilabial stops in Russian and German.

Key words: contrastive analysis, second language acquisition, phonetic interference, foreign-accented speech.

Введение

Немецкий язык традиционно остается одним из самых востребованных иностранных языков в России. При этом нам не известен ни один учебник немецкого произношения, который бы создавался с учетом реальных исследований тех произносительных ошибок, которые совершают русскоязычные обучающиеся, говорящие

по-немецки. Между тем такие исследования помогли бы выявить наиболее частотные речевые ошибки. Получив шкалу частотности и типичности интерференционных ошибок, можно было бы разрабатывать практические пособия, рассчитанные на любую детальность курса фонетики, – от полного (годового) университетского курса для студентов-германистов до двухнедельного экспресс-курса для студентов других специальностей.

Контрастивный анализ как методологическая основа исследования интерференционных ошибок в речи инофонов

Эффективное эмпирическое исследование интерференционных ошибок в речи инофонов невозможно без учета достижений контактологии. Контактология – область лингвистики, возникшая в 50-е годы XX в. и занимающаяся изучением языковых контактов – на данный момент уже сформировалась в отдельную дисциплину на стыке социо-, психолингвистики и педагогики. К основоположникам молодой дисциплины можно отнести У. Вайнрайха, Б. Гавранека, Э. Хаугена и др., наиболее значительные работы которых в переводе на русский язык полностью или частично были опубликованы в сборнике [НЗЛ В. VI, 1972]. Из советских ученых, стоявших у истоков контактологии, следует, прежде всего, назвать С.И. Бернштейна [Бернштейн, 1937], В.А. Виноградова [Виноградов, 1972; Виноградов, 1976], В.Ю. Розенцвейга [Розенцвейг, 1972].

К числу основных лингвоконтактологических понятий относятся «языковые контакты», «двуязычие» и «языковая интерференция». В советской лингвистике было принято следующее определение последней: «Интерференция – взаимодействие языковых систем в условии двуязычия, складывающегося либо при контактах языковых, либо при индивидуальном освоении неродного языка; выражается в отклонениях от нормы и системы неродного языка под влиянием родного» [ЛЭС, 1990: 197]. Нам представляется, что фонетическая интерференция кардинально отличается от интерференции на других уровнях невозможностью применения «стратегии избегания»: нельзя говорить на иностранном языке, избегая тех звуков, которые не удастся произнести правильно, отсюда и практическая неизбежность иноязычного акцента.

Первые попытки систематического изучения произносительных ошибок в речи инофонов приходятся на конец 50-х годов XX в., когда на стыке лингвистики и психологии оформилась новая дисциплина – контрастивная (или сопоставительная) лингвистика. В ее арсенал входят два дополняющих друг друга метода: контрастивный анализ и анализ речевых ошибок. Анализ ошибок – это изучение отклонений от нормы изучаемого языка в реальной речи обучающегося.

Контрастивный анализ призван предсказывать те элементы системы изучаемого языка, где с большой вероятностью можно ожидать затруднений и ошибок. В 60–70-е годы XX в. лингвисты осознали, что контрастивный анализ как методический прием позволяет предсказать те элементы системы изучаемого языка, где с большой вероятностью можно ожидать появления затруднений и ошибок. Этот подход изначально обещал возможность создания учебников иностранных языков с учетом контрастивного фактора: постулировалось, что основой прогнозирования «зон фонетических помех» должно быть детальное контрастивное описание фонологических систем изучаемой пары языков. Со временем были разработаны и основные принципы такого описания [Helbig, 1981]. Для успешной реализации указанных теоретических принципов на практике необходимо иметь подробные однотипные описания систем сравниваемых языков. Нам представляется, что при изучении интерференционных явлений на фонетическом уровне для этого наилучшим образом подходит известная фонетическая классификация МФА (IPA) [Handbook, 1999], так как:

1. Классификация МФА является универсальной, т. е. ее предметной областью является звуковой универсум, а не множество звуков какого-то одного языка;

2. Лежащие в основе классификации МФА критерии и транскрипционные символы приняты в лингвистическом сообществе в качестве фонетического стандарта.

Необходимость «перевода» сопоставляемых фонетических инвентарей на единый транскрипционный язык не означает, что исследователь автоматически обрекает себя на использование в дальнейшем только этой единой нотации. Указав, какие символы единой транскрипции соответствуют каждому из элементов сопоставляемых инвентарей, можно перейти к более привычной нотации (например, с нотации МФА к кириллическим транскрипционным символам). Такой «обратный» переход оправдан, поскольку может в ряде случаев упростить описание, например, разгрузить транскрипционную запись от чрезмерной диакритики, индексации и т. д. Именно этот подход принят в нашей работе.

В имеющейся литературе можно найти практические рекомендации для осуществления контрастивного анализа в области фонологии и фонетики. Так, Джеймс выделяет четыре этапа контрастивного анализа звуковых систем двух языков L1 и L2 [James, 1981]:

1. Инвентаризация фонем L1;
2. Инвентаризация фонем L2;
3. Выявление аллофонов фонем в L1 и L2;

4. Установление дистрибутивных ограничений для аллофонов и фонем в L1 и L2.

Однако осуществленные на практике попытки контрастивного сопоставления звукового строя языков в паре не нашли широкого практического применения, так как исследователи, работающие в русле контрастивной лингвистики, быстро выявили и доказательно аргументировали проблемы, препятствующие распространению данного метода (см. [Nickel, 1971; Nemser, 1975; Helbig, 1981] и др.). Основная претензия, предъявляемая критиками использования достижений контрастивной лингвистики в педагогике, заключается в том, что, помимо «зон помех», выявляемых в ходе контрастивного анализа, в интерферированной речи двуязычных носителей наблюдаются ошибки разного характера, которые контрастивный анализ предсказать не может, так как их природа кроется не в различиях между сопоставляемыми языками. Вместе с тем мыслима и «обратная» ситуация, когда не все выявленные в ходе контрастивного анализа «зоны помех» реально проявляются в речи двуязычных носителей. Ошибки первого типа не являются предметом исследования при изучении межъязыковой интерференции, однако должны интересовать исследователя, так как необходимо выработать надежные критерии их отделения от истинно интерференционных ошибок. Что касается второй проблемы, для ее решения необходимо существенно модифицировать процедуру сопоставления двух языков: выявление «зон помех» в ходе контрастивного анализа должно обязательно дополняться их экспериментальной проверкой.

Для создания пособий по практической фонетике, вне зависимости от планируемой длительности курса, необходимо проводить контрастивный анализ всего звукового строя обоих языков. Ниже мы ограничимся изложением результатов проведенного нами контрастивного анализа только одного фрагмента консонантизма русского и немецкого языков – подкласса шумных смычных губных согласных. Этот подкласс интересен по той причине, что, обладая общими особенностями всех шумных, имеет еще и ряд частных свойств. Так, хотя наличие мягких согласных, свойственное русскому консонантизму, – типологически редкая, но не уникальная черта, однако при этом наличие мягких губных согласных, в том числе, смычных, в абсолютном конце слова – это одна из ярких типологических черт именно русской фонетической системы [Бархударова, 1999]. Такое сочетание общих и частных особенностей данной категории согласных позволяет хорошо проиллюстрировать методiku проделанного нами исследования и направление интерференционного фонетического прогноза.

русских палатализованных согласных нет аналога в немецком языке. Таким образом, для предсказания возможных интерференционных замен необходимо выйти за пределы так называемых аналогичных звуков. Если инофон заменяет какой-то звук иностранного языка звуком родного языка, причем эти два звука не являются аналогичными, такие два звука мы считали *близкими*. Отметим, что в ряде случаев инофон совершает более сложные замены, когда, например, один звук L2 заменяется последовательностью звуков из L1. Например, известно, что иностранцы (в том числе, немцы) часто заменяют русские палатализованные согласные сочетанием «твердый (или полумягкий) согласный + [j]».

4. На последнем этапе проведенного нами анализа для каждого аллофона каждого из двух языков – L1 (родной) и L2 (иностранной) – были выявлены прогнозируемые интерференционные замены в L2 в соответствии со следующей схемой:

Звук-цель языка L2 →	Звук-замена (или последовательность звуков) языка L1	Комбинаторно-позиционные условия замены
----------------------	--	---

В целях верификации для каждой прогнозируемой замены можно подобрать несколько примеров частотных лексем из L2, знакомых инофонам даже на начальных стадиях обучения языку. На основе таких примеров в дальнейшем целесообразно составлять производносительные опросники. Это позволит произвести количественную оценку достоверности прогноза интерференции.

Применение результатов эмпирических исследований при проведении контрастивного анализа

Как указывалось выше, процедура контрастивного анализа была разработана и описана в 60–70 годы XX в., тогда же начали появляться работы с попытками применения контрастивного анализа к реальным парам языков. Вскоре, однако, стало ясно, что эффективно сопоставлять два языка исключительно теоретически невозможно. Полезными могут оказаться самые разные эмпирические данные – от результатов ненаправленных наблюдений за речевым поведением инофонов (так называемый преподавательский опыт, обобщенный в методических указаниях пособий по фонетике) до результатов направленного инструментально-фонетического анализа (рентгенограмм, спектрограмм, осциллограмм и т. д.). Наш опыт сопоставления звукового строя немецкого и русского языков показывает, что в ходе контрастивного анализа исследователь постоянно сталкивается с частными задачами, решить которые простым сравнением аллофонных инвентарей обоих языков невозможно – для

этого необходимы самые разные эмпирические данные. Приведем некоторые примеры.

Естественно было бы предположить, что немец в интерферирующей речи будет прибегать к замене русского согласного [п] на его немецкий непридыхательный аналог [p] – такой аллофон у немецкой фонемы /p/ имеется, и фонетически он, конечно, наиболее близок русскому [п]. Однако будет ли такая замена происходить во всех случаях? Прямое сопоставление консонантных инвентарей и поиск аналогичных звуков в двух языках не может дать ответа на этот вопрос – необходимо обращение к *реальным речевым наблюдениям*. Из практики преподавания русского языка немцам известно, что они часто произносят в русских словах аспирированный звук [p^h], совершенно чуждый русским смычным согласным. В каких случаях это происходит? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к изучению варьирования фонем в зависимости от позиционных условий в немецком языке. Наиболее сильное придыхание наблюдается у глухих смычных согласных перед ударным гласным в позициях, когда им не предшествует фрикативный согласный в составе того же слова (как это имеет место, например, в слове *Spaß*), т. е. в таких словах как *passen* или *Park* [Handbook, 1999]. Исходя из этого, можно предположить, что немец будет заменять русское [п] на немецкое аспирированное [p^h], прежде всего в аналогичных позициях, т. е. в словах типа *надать* или *пыль*, но не в слове *спать*.

К сожалению, в области фонетики даже таких хорошо исследованных языков, как немецкий или русский, остается немало слабо изученных вопросов. Проведение контрастивного анализа как раз позволяет нащупать те фрагменты звукового строя сопоставляемых языков, где необходимы дополнительные эмпирические исследования. Например, авторы русско-немецких практических пособий обязательно указывают на следующие различия в проявлениях дополнительной лабиализации согласных в русском и немецком языках ([Норк, Милукова, 1977; Раевский, 1997] и др.):

1. В русском языке лабиализация – это всегда регрессивная коартикуляция, в немецком – как регрессивная, так и прогрессивная;
2. В русском языке лабиализация согласных по интенсивности округления ротового отверстия и степени выдвижения вперед губ значительно уступает немецкой.

Однако убежденность авторов доступных теоретических и практических курсов ([Норк, Милукова, 1977; Раевский, 1997; Козьмин и др., 1990]) в существовании значительных отличий лабиализации в немецком и русском языках вызывает определенные сомнения. С одной стороны, интуитивно трудно не согласиться с тем, что работа

губ при лабиализации в немецком языке более активна, чем в русском, однако это всего лишь проявление общих особенностей немецкой артикуляционной базы. Далее, вызывает вопросы постулируемый авторами двусторонний характер лабиализации в немецком языке. Регрессивное влияние последующего лабиализованного гласного в обоих языках несомненно. Однако имеет ли место прогрессивное влияние гласного на последующий согласный в немецком? Точный ответ на этот вопрос могут дать только экспериментальные исследования, но можно попытаться проверить это утверждение «в рабочем порядке». Для этого достаточно изолированно произнести какое-либо немецкое слово, имеющее структуру «согласный + огубленный гласный + согласный», например, *gut*. При наличии некоторого опыта говорения на немецком языке нельзя не заметить, что, если округление губ еще присутствует в начальной фазе произнесения согласного [t], то в его срединно-конечной фазе губы уже возвращаются к исходной, неогубленной позе. Нам представляется, что такое неполное наложение огубленности на последующий согласный есть всего лишь следствие активной работы губ при артикуляции лабиализованных гласных в немецком языке: в этих условиях быстрый (такой, как в русском языке) переход к исходной целевой установке последующего согласного физически невозможен. Исходя из этих соображений, мы не рассматриваем лабиализованные аллофоны немецких согласных в качестве их системных аллофонов.

Приведем пример еще одного фрагмента звукового строя немецкого языка, в котором ощущается недостаток данных эмпирического характера. Во всех доступных нам теоретических и практических курсах по немецкой фонетике указывается, что в немецком языке палатализации подвержены только три согласные фонемы – заднеязычные /k/, /g/, /ŋ/ (ср., например [Козьмин и др., 1990: 141; Козьмин и др., 2004: 20; Норк, Милукова, 1977: 44; Раевский, 1997: 160]). Доступные описания звукового состава современного немецкого языка, составленные немецкими исследователями, не всегда содержат информацию о контекстном смягчении согласных. Так, К. Колер в очерке, посвященном фонетической системе немецкого языка [Handbuch, 1999], вообще об этом не упоминает и транскрибирует приведенный в качестве примера текст без обозначения контекстной мягкости заднеязычных согласных. Русские же авторы, адресуя свои курсы немецкого языка носителям русского языка, сознательно ищут «точки соприкосновения» звуковых систем обоих языков, отсюда внимание к проявлениям немецкой коартикуляционной палатализации на фоне особенностей звукового строя русского языка. В предлагаемом нами варианте контрастивного анализа немецкие заднеязычные

палатализованные согласные [kʰ], [gʰ] и [ŋʰ] были введены в состав системных вариантов соответствующих фонем. Это отражает точку зрения русских исследователей, подчеркивающих особую подверженность этого класса немецких согласных контекстному смягчению. Аллофоны остальных согласных, характеризующиеся незначительным аккомодационным смягчением перед гласными переднего ряда, в состав системных вариантов нами не включались.

Направленная проверка правильности прогноза интерференционных замен

Ниже мы кратко и обобщенно излагаем результаты проведенного нами контрастивного анализа шумных губных смычных в немецком и русском языках.

В подсистему шумных смычных губных согласных в немецком языке входит две фонемы – /p/, /b/, в русском языке четыре – /п/, (/p/), /б/ (/b/), /пʰ/ (/pʰ/), /бʰ/ (/bʰ/).

Ниже на диаграмме представлены немецкие и русские согласные данного фонетического класса с учетом их контекстного варьирования. Системные аллофоны, если они есть помимо основного, на диаграмме изображены в виде белых колец, опоясывающих более темный центральный кружок, соответствующий основному варианту фонемы. Приведенная диаграмма наглядно демонстрирует системные аллофонные инвентари анализируемых согласных и дает также представление об их иерархии («аллофоны одной фонемы составляют категорию со своим центром – прототипом и периферией (прочие аллофоны)» [Князев, Пожарицкая, 2012: 289–290].

Сильные («глухие»): /p/		Слабые («звонкие»): /b/	
Русский язык			
Глухие непалатализованные: /п/	Звонкие непалатализованные: /б/	Глухие палатализованные: /пʰ/	Звонкие палатализованные: /бʰ/

Диаграмма. Смычные губные согласные в немецком и русском языках

Прогнозируемые интерференционные замены представлены в табл. 2 и 3.

Таблица 2

Прогнозируемые замены русских шумных губных смычных аллофонов в речи немецкоязычных говорящих

Аллофон	Замена	Контекст	Примеры
[п]	→ [p ^h]	В абсолютном начале ударного слога непосредственно перед гласным, сонорным согласным; в интервокальной позиции между ударным и безударным гласным; в абсолютном конце слова после ударного гласного	<i>папа, пла- кать, стоп</i>
	→ [p]	В остальных позициях	<i>спать, (я) пойду, погода</i>
[б]	→ [b]	В интервокальной позиции, после сонантов перед гласным	<i>забыл, бомба, бамбук</i>
	→ [b̥] ([p])	В остальных позициях	<i>банк, брат, Библия</i>
[п']	→ [p ^h] ([p ^h]) ([p ^h ʲ])	в абсолютном начале ударного слога непосредственно перед гласным, в интервокальной позиции между ударным и безударным гласным, в конце слова после ударного гласного (кроме [p ^h ʲ])	<i>пятъ, вы́пить, Объ</i>
	→ [p] ([p̥]) ([p̥ʲ])	в остальных позициях	<i>спят, (я) пишу, спина</i>
[б']	→ [b] ([b̥]) ([b̥ʲ])	в интервокальной позиции	<i>обед, обидно, рябина</i>
	→ [b̥] ([b̥]) ([b̥ʲ])	в остальных позициях	<i>бедный, раз- бить, Библия</i>

Таблица 3

Прогнозируемые замены немецких шумных губных смычных аллофонов в речи русскоязычных говорящих

Аллофон	Замена	Контекст	Примеры
[p ^h]	→ [п']	перед гласным переднего ряда	<i>Peter, Pille, Kapitel</i>
	→ [п]	в остальных позициях	<i>Park, Puppe, Stopp</i>
[p]	→ [п']	перед гласным переднего ряда	<i>spielen, Spiegel, spülen</i>
	→ [п]	в остальных позициях	<i>spannend, Sport, Paris</i>
[b̥]	→ [б']	перед гласным переднего ряда	<i>bitte, Büro, Beeren</i>
	→ [б]	в остальных позициях	<i>Bank, Baum, Bruder</i>
[b]	→ [б']	перед гласным переднего ряда	<i>Abitur, anbieten, Alphabet</i>
	→ [б]	в остальных позициях	<i>U-Bahn, arbeiten, aber</i>

Дальнейший ход исследования предполагает экспериментальную проверку прогноза с помощью произносительных заданий-опросников, в которых лексемы-примеры опущены, а информантам предлагается восстановить и произнести пропущенное слово в составе заданного фразового контекста. Например, для носителей русского языка, изучающих немецкий язык, такой опросник может включать следующие предложения: “Wohin gehst du? – Ich gehe in den _____ (парк)”, “Wie fährst du zur Arbeit? – Zur Arbeit fahre ich mit der _____ (метро)”. В подобных предложениях отсутствует опора на графический образ иностранного слова, следовательно, информант вынужден извлечь это слово (Park, U-Bahn) из памяти, чтобы произнести. Для выполнения этого важного экспериментального условия следует отбирать примеры из общеупотребительной лексики, знакомой информантам. Преимуществом такой верификации прогноза является ее направленность: в опросник включается только релевантный для исследования материал, что позволяет проверить прогноз интерференционных замен в сжатые сроки. На последующих этапах исследования было бы целесообразно перейти к проверке прогноза на базе записей естественной речи обучающихся. Для этого, возможно, потребуется создать корпус звучащей интерферированной речи инофонов – например, на основе аудиозаписей на уроках изучаемого языка.

Список литературы

- Бархударова Е.Л. Русский консонантизм. Типологический и структурный анализ. М., 1999.
- Бернштейн С.И. Вопросы обучения произношению (применительно к преподаванию русского языка иностранцам). М., 1937.
- Виноградов В.А. Лингвистические аспекты обучения языку. Вып. I: Универсальное и ареальное при обучении произношению. М., 1972.
- Виноградов В.А. Лингвистические аспекты обучения языку. Вып. II: К проблеме иностранного акцента в фонетике. М., 1976.
- Зиндер Л.Р. Теоретический курс фонетики современного немецкого языка. М., 2003.
- Князев С.В., Пожарицкая С.К. Современный русский литературный язык: Фонетика, орфоэпия, графика и орфография. М., 2012.
- Козьмин О.Г., Богомазова Т.С., Хицко Л.И. Теоретическая фонетика немецкого языка. М., 1990.
- Козьмин О.Г., Никифорова В.Г. Практическая фонетика немецкого языка. М., 2004.
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990.
- НЗЛ – Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VI: Языковые контакты. М., 1972.

- Норк О.А., Милукова Н.А. Фонетика немецкого языка. М., 1977.
 Раевский М.В. Фонетика немецкого языка. Теоретический курс. М., 1997.
 Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты. Л., 1972.
 Handbook of the International Phonetic Association. A guide to the use of the International Phonetic Alphabet. Cambridge University Press, 1999.
 Helbig G. Sprachwissenschaft – Konfrontation – Fremdsprachenunterricht. Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1981.
 James C. Contrastive analysis. Longman House, 1981.
 Nemser W. Problems and prospects in contrastive linguistics // Modern linguistics and language teaching. Budapest, 1975.
 Nickel G. Contrastive linguistics and foreign language teaching // Papers in contrastive linguistics. Cambridge: Cambridge university press, 1971.

Сведения об авторе: Блок Эвелина Евгеньевна, соискатель кафедры теоретической и прикладной лингвистики филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова, преподаватель НИУ ВШЭ. E-mail: evelina.block@gmail.com

О.В. Попова

РЕАЛИЗАЦИЯ НАЧАЛЬНОГО АЛЕФА В ФОРМАХ Gtn-ПОРОДЫ ГЛАГОЛА *APĀLU(M)* В НОВОВАВИЛОНСКИХ ТЕКСТАХ ИЗ УРА

В данной статье рассматриваются орфографии формы 3 sg. pres. Gtn-породы глагола *apālu(m)* «платить» в одной из юридических формул нововавилонских текстов. Эта форма в некоторых документах из архивов города Ур имеет написание, предполагающее необычную реализацию I? (первого корневого алефа), который при контакте с *-t-* инфикса дает иногда написание *imtanappal*.

Ключевые слова: нововавилонский аккадский, глаголы I?, Ур.

This article focuses on the spellings of the 3 sg. pres. form of Gtn-stem of the verb *apālu(m)* 'to pay' in one of the legal formulas from the Neo-Babylonian texts. This form in some documents from the archives of the city of Ur has a spelling with an unusual realization of I? that when in contact with *-t-* of the infix gives sometimes the spelling of *imtanappal*.

Key words: Neo-Babylonian Akkadian, verbs I?, Ur.

Нововавилонские тексты города Ур¹, найденные во время раскопок 1922–1934 гг. Л. Вулли [Wooley, 1962], представляют собой главным образом частные семейные архивы. Основные типы памятников, встречающиеся в этих архивах, – это документы купли-продажи (домов, земель, рабов, пребэнд), юридические разбирательства, займы, документы об усыновлении, письма, медицинские списки.

Договоры о купле-продаже обычно составлены по одному образцу, и довольно часто в них встречается юридическая формула следующего типа: *matīma ina arkāt ūmī ina aḥḥē u māre qimti nešūti šalātu² ša bit NP ša illū-ma ana muḥḥi eqli šu?āti iraggu-ma umma eqlu šu?āti ul nadin-ma kasap ul maḥir iqabbū^{LU} pāqirānu kasap imḥuru adi 12-AM ṭanappal³* «если когда-нибудь в будущем (кто-либо) из бра-

¹ Рассматриваемые в данной статье тексты из Ура изучаются в клинописных копиях, выполненных Х. Фигуллой [Figulla, 1949], с коллажиями тех из табличек, которые доступны в British Museum. Я благодарю также Франсиса Жоаннеса и Йоко Ватай, которые предоставили мне клинописные копии изданных ими и рассматриваемых в данной статье текстов.

² Идеограмма NÍ.RI.A может быть использована для *qimtu / nešūtu / šalātu*, все три слова обозначают членов семьи в разной степени родства.

³ *ma-ti-ma ina EGIR u_r-mi i-na ŠEŠ.MEŠ DUMU.MEŠ NÍ.RI.A šá É NP šá E₁₁-ma a-na UGU A.ŠÀ MU.MEŠ i-rag-gu-ma um-ma A.ŠÀ MU.MEŠ ul na-din-ma ka-sap ul ma-ḥir i-qab-bu-ú^{LU} pa-qi-ra-nu ka-sap im-ḥu-ru a-di 12-AM i-ta-nap-pal.*